УДК 130.2
Науч. спец. 09.00.13
DOI: 10.36809/2309-9380-2021-33-30-34

Ольга Михайловна Кордас
Омский государственный педагогический университет, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Омск, Россия
e-mail: kordasom@yandex.ru

Непонимание в герменевтическом опыте

Аннотация. В статье рассматривается диалектическая взаимосвязь понимания и непонимания в культуре. Определяются позитивные функции непонимания в коммуникации и познании. Непонимание включается в герменевтический круг как обязательный его компонент и может быть рассмотрено как отправная точка философствования и герменевтического опыта. Значение непонимания в познавательной деятельности субъекта заключается в обеспечении динамики культурного развития.

Ключевые слова: коммуникация, конфликт, непонимание, философская герменевтика, интерпретация, тайна.

Olga M. Kordas
Omsk State Pedagogical University, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Omsk, Russia
e-mail: kordasom@yandex.ru

Incomprehension in Hermeneutic Experience

Abstract. The article examines the dialectical relationship between understanding and incomprehension in culture. The positive functions of incomprehension in communication and cognition are determined. Incomprehension is included in the hermeneutic circle as its obligatory component and can be considered as the starting point of philosophizing and hermeneutic experience. The meaning of incomprehension in the cognitive activity of the subject is to ensure the dynamics of cultural development.

Keywords: communication, conflict, incomprehension, philosophical hermeneutics, interpretation, mystery.

Введение (Introduction)

В основе коммуникации лежит взаимопонимание, или, по крайней мере, попытка прийти к взаимопониманию. Собственно, буквальное значение этого термина указывает, что коммуникация — это то, что нас связывает, соединяет. Но в то же время и разъединяет. Во-первых, сложная структура коммуникации неизбежно содержит в себе возможность конфликта. Все речевые акты в процессе общения являются потенциальными угрозами, всегда возможен срыв коммуникации, непонимание, обусловленное различными целями и интересами коммуникантов или несовпадением эмоциональных состояний. Именно поэтому многие люди иногда предпочитают избегать общения, боясь рисков, связанных с неизбежностью коммуникативных неудач. Во-вторых, сфера проявления конфликта, каковы бы ни были его причины, — это всегда сфера коммуникации; осознание и отстаивание интересов, регулирование и разрешение конфликтов возможно только в процессе общения.

Конфликты и непонимание в человеческом общении являются скорее правилом, чем исключением, идеального говорящего и слушающего не существует. Выражено или скрыто, осознанно или нет, но конфликтный компонент в коммуникации присутствует всегда. Но, как мы знаем, конфликт может выполнять как деструктивную, так и конструктивную функцию.

Конфликтную природу коммуникации можно рассмотреть через диалектическую взаимосвязь явлений понимания/непонимания. Как писал немецкий философ и языковед В. фон Гумбольдт: «Никто не понимает слово в точности так, как другой, и это различие, пускай самое малое, пробегает, как круг по воде, через всю толщу языка. Всякое понимание поэтому всегда есть вместе и непонимание, всякое согласие в мыслях и чувствах — вместе и расхождение» [1, с. 84].

Методы (Methods)

В качестве методов исследования применяется герменевтический подход к познанию и культурной коммуникации, в котором происходит смещение акцентов с рациональных аспектов понимания в сторону интуитивно-иррационального схватывания смыслов, а порой их достраивания в процессе диалогических отношений автора — текста — читателя. В этих отношениях непонимание играет не менее значимую роль, чем понимание, оно включается в герменевтический круг как необходимый компонент генерации смыслов. Поэтому представляется целесообразным актуализировать диалектический ракурс

© Кордас О. М., 2021

рассмотрения соотношения понимания и непонимания в познании и художественной интерпретации. Применяется также теоретический сравнительно-исторический метод при сопоставлении классического и постнеклассического подхода к проблеме непонимания.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Феномен непонимания исследовался в гораздо меньшем объеме, чем его антоним «понимание». Непонимание зачастую противопоставляется и трактуется только через понимание, как его отсутствие, невозможность понять.

На философский уровень осмысления проблему понимания выводит герменевтика — теория и практика понимания и толкования текстов. Герменевтика прошла долгий путь от толкования священных текстов через универсальную герменевтику Ф. Шлейермахера и В. Дильтея до феноменологической герменевтики М. Хайдеггера и Г.-Г. Гадамера, став в итоге методологическим фундаментом гуманитарных наук. С самого начала герменевтика была направлена на изучение возможности понимания и искренне верила в эту возможность, верила в необходимость взаимопонимания и устранения ситуации непонимания. И только во второй половине XX в. исследователи заговорили о ценности феномена непонимания. В деконструктивистской герменевтике Ж. Дерриды и Йельской школы, семиотической теории коммуникации Ю. М. Лотмана, антигерменевтическом проекте С. Зонтаг и др. всё активнее стала звучать идея, что для субъекта в частности и для культуры в целом непонимание несет позитивные смыслы.

Непонимание необходимо как отправная точка герменевтического опыта, оно есть часть процесса понимания. Непонимание побуждает к мышлению, поиску истины и смысла. И именно поэтому подчеркивает ценность понимания. Любое познание начинается с непонимания, т. е. возникает в ответ на него. «Пока мы находимся в донаучном состоянии, нам всё понятно, а первый признак науки — непонимание» [2]. Можно вспомнить, что собственно философия начинается с ситуации непонимания и намеренного вхождения в эту ситуацию — чем больше я знаю, тем больше я не знаю. Философствование начинается тогда, когда мир неясен, неочевиден. «Начало философии — принципиальное непонимание» [3, с. 3], — писал М. Мамардашвили.

Философская рефлексия начинается с тайны неизведанного, но и окончательное понимание в форме присвоения истины невозможно. Обратим внимание на корреляцию между непониманием и непознаваемым. В философии проблема тайны не выходит на первый план, она всегда стоит в тени проблемы истины. Тайна, тайное знание — скорее тема эзотерических, религиозных, оккультных учений, нежели философии. Но путь к тайне истины и есть знание, мудрость и начало философии. Философия начинается как необходимость познания, прояснения, она проходит эволюцию от тайного знания к науке, но в отличие от науки философия не претендует на окончательное овладение истиной, ее полное обнажение. Истина, подобно сокровищу, которое, будучи найдено, сразу же может быть растрачено, поэтому нуждается в защите и охранении [4].

Ю. А. Разинов анализирует греческое понятие истины, которое принадлежит к сфере сокрытого, таинственного. С одной стороны, истина выступает как *не*-сокрытость, *не*-потаенность — алетейа (ἀλήθεια), а с другой, это то, что страдает от разутаивания, разоблачения. Всё неистинное и ложное должно быть вынесено за границы алетейи. Но без отнесенности к сфере ложного истина остается без почвы [5, с. 30].

Деятельность философствующего сознания — постоянное обнаружение присутствия тайны, в которой находятся корни бытия человека и без которой он — ничто. Тайна — возможное знание, но знание, к которому еще не найден ключ, язык понимания. А может быть, этот ключ и не должен быть найден. Есть области реальности, с которыми сталкивается современная наука и которые невозможно математически описать линейным уравнением, например биологические процессы, процессы термодинамики, наконец — сам человек и социальная реальность. В данном случае наука имеет дело с изменчивыми объектами, по поводу которых невозможно точное прогнозирование, а только лишь описание вероятных сценариев, так как сам объект меняется в процессе исследования. В ситуации неосуществимости точности прогнозов и описания возникает допущение существования области принципиально непознаваемого. Тем не менее наука продолжает работу по познанию сокровенных сфер мира природы и бытия человека.

На уровне обыденного сознания тайна завораживает и привлекает именно своей непонятностью. В книге русского филолога и герменевта В. Э. Айрапетяна «Толкуя слово: опыт герменевтики по-русски» приводится множество примеров из русской литературы о притягательности для неискушенного человека непонятного текста, заумного слова. Например, у И. А. Гончарова: «…Простой русский человек не всегда любит понимать, что читает. Я видел, как простые люди зачитываются до слез священных книг на славянском языке, ничего не понимая или понимая только “иные слова”… <…> Простые люди не любят простоты» [цит. по: 6, с. 48].

С одной стороны, цель понимания, по меткому выражению В. В. Розанова, — «найти успокоение» разума и «уничтожить в нём боль непонимания» [7, с. 655]. Но у того же Розанова есть статья с говорящим обратное заголовком — «Как хорошо иногда “не понимать”». «Не будь на свете глупости, непонимания, вздора и чепухи, — было бы так скучно жить, что хоть зарезаться» — такими словами начинается эссе русского религиозного философа [8]. Парадоксально, что боли непонимания можно противопоставить боль понимания. Как тут не вспомнить известные слова из Экклезиаста, что от многой мудрости много скорби?

С точки зрения Ю. М. Лотмана, непонимание делает понимание мучительным, трудным процессом и вместе с тем имеющим смысл и высокую ценность. Без непонимания теряет ценность человеческое общение, а культура как глобальная коммуникация утрачивает смысл и останавливается в своем развитии. «Языковое общение рисуется нам как напряженное пересечение адекватных и неадекватных языковых актов. Более того, непонимание (разговор на не полностью идентичных языках) представляется столь же ценным смысловым механизмом, что и понимание.

Исключительная победа любого из этих полюсов — разрушение информации, которая создается в поле их взаимного напряжения. Разные формы контакта — с обычным языковым общением на одном полюсе и художественным на другом — представляют собой сдвиги с нейтральной центральной точки то в сторону легкости понимания, то в противоположную. Но абсолютная победа какого-либо из этих полюсов теоретически невозможна, а практически — гибельна» [9, с. 16–17].

Понимание не всегда является основной и конечной целью коммуникации, мотивацией для общения может выступать просто совместное пребывание в диалоговом поле, без выхода на смысловую определенность, а также реализация фатической языковой функции — поддержания контакта. В повседневном человеческом общении множество примеров «бесед ни о чём», когда не поставлена задача передачи новой информации и получения активного ответа в качестве обратной связи, а актуальна сама интенция высказывания.

Интересную концепцию о консенсуальном взаимодействии предлагает У. Матурана. По его мнению, информация может быть искусственно передаваема от одного субъекта другому, она творится в момент совместного диалогового действия. «…Никакой передачи мысли между говорящим и слушающим не происходит. Слушатель сам создает информацию, уменьшая неопределенность путем взаимодействий в собственной когнитивной области» [10, с. 105]. В соответствии с концепцией У. Матураны мы можем сделать вывод, что непонимание не только запускает познавательные процессы индивидов, но и способствует кооперации участников коммуникации, взаимодействию.

Коммуникация — это взаимодействие, это всегда ситуация диалога. Вопросно-ответная структура диалога обусловлена его назначением — снять информационную неопределенность, достичь обоюдного понимания. Когда неопределенность снимается, все вопросы получают свои ответы, диалог завершается, т. е. завершается и сам процесс коммуникации. В диалогической модели коммуникации, предложенной Ю. М. Лотманом, подчеркивается идея о принципиальном несовпадении кодов и объема памяти говорящего и слушающего. Если построить модель идеального взаимопонимания, когда достигается полное подобие участников коммуникации, исчезает сама потребность в общении, коммуникация сводится к передаче команд. Когда мы полностью понимаем друг друга, нам не о чем говорить, т. е. для диалога изначально требуется неэквивалентность говорящего и слушающего. «Мы нуждаемся в непонимании так же, как в понимании. Мы нуждаемся в другом так же, как в своем. Мы нуждаемся в том, без чего мы не можем, так же, как и в том, без чего мы можем и что может без нас. Мы нуждаемся в постоянном напряжении, в переходе понятного в непонятное, гениального в ничтожное… Нуждаемся во всём огромном, многообразном, многоязыковом мире» [11, с. 446]. Смысл непонимания заключается в том, что оно обеспечивает не только открытость, неисчерпаемость, но и саму возможность коммуникации. «Текст абсолютно понятный есть вместе с тем и текст абсолютно бесполезный. Абсолютно понятный и понимающий собеседник был бы удобен, но не нужен, так как являлся бы механической копией моего “я” и от общения с ним мои сведения не увеличились бы, как от перекладывания кошелька из одного кармана в другой не возрастает сумма наличных денег» [9, с. 220].

Еще одним позитивным свойством непонимания является то, что оно порождает богатство интерпретаций, способствует возрастанию смысла. Функция текста — не только адекватная передача значений, но и продуцирование новых смыслов. Классик герменевтики Г.-Г. Гадамер считал, что цель понимания заключается не в точном улавливании идей автора текста, совпадении интерпретации и интерпретируемого, но в активизации собственного сознания. Огромную роль в процессе понимания играет предрассудок, оцениваемый Гадамером не как заблуждение, а как традиция, необходимая предпосылка понимания. Но понимающий субъект должен отдавать себе отчет в ограниченности интерпретации предрассудком и предмнением: «Необходимо осознать свою собственную предвзятость, только тогда текст явится во всей своей инаковости, обретя возможность защищать свою предметную истину от наших собственных предмнений» [12, с. 77]. Такое осознание позволяет читателю стремиться за пределы данной ограниченности, устремляться к Иному, уметь встать на позицию Другого, принять авторитет Традиции и в то же время преодолеть его, создавая новые тексты.

Наконец, в постмодернистской философии в оппозиции к классической герменевтической традиции начинает формироваться постметафизическая («непонимающая») герменевтика, проблематизирующая именно ситуацию непонимания. Формируется пространство агерменевтики, или отрицательной герменевтики, в основе которой лежит порыв протеста, жест выхода за границы предыдущей «герменевтической культуры», свято верящей в идеи понимания и взаимопонимания. В деконструктивизме Ж. Дерриды подвергается критике классическая метафизика как дискурс в оппозициях, базирующихся на дихотомии понимания/непонимания в пространстве герменевтического круга. Существенно, что и само понятие границы между пониманием и непониманием при этом оказывается принципиально динамичным: не фиксируемым, размытым, ускользающим. Деконструктивизм превращает непонимание из врага герменевтики в возможность ее нового развития, второго дыхания, подчеркивая генеалогическую связь между непониманием и пониманием.

Деконструктивисты отстаивают отказ от окончательной интерпретации как от процедуры насильственного подчинения и присваивания текста. Интерпретация — присвоение смысла, власть над текстом. «Интерпретация, основанная на весьма сомнительной идее, будто произведение художника состоит из элементов содержания, насилует искусство. Она превращает его в предмет для использования — для помещения в схему категорий» [13, с. 15], — пишет Сьюзен Зонтаг в эссе «Против интерпретации», которое стало своеобразным антигерменевтическим манифестом. Невозможность исчерпывающего понимания текста подобна невозможности окончательного понимания человека; текст, его автор и его читатель должны быть равноправны. Необходимо отказаться от интерпретации как навязывания сиюми-

нутных или модных дискурсов, а чувственно принять произведение как целостность и совершенство Иного.

Представитель Йельской школы американского деконструктивизма Х. Блум вводит понятие «неверного прочтения» и подчеркивает позитивное значение этого феномена. Неверное прочтение становится результатом субъективной интерпретации и источником нового текста, обогащающего культуру. П. де Ман в книге «Слепота и проницательность» также говорит об интерпретации как о возможности ошибки, которая ведет к возрастанию смыслов и созданию нового оригинального текста. Неизбежность ошибки заложена в «риторическом характере» литературного языка. П. де Ман отмечал, что «риторическая природа языка “воздвигает непреодолимое препятствие на пути любого прочтения или понимания”…» текста [цит. по: 14, с. 185]. Невозможно выбрать окончательное значение смысла текста из набора субъективных интерпретаций, но это и не является целью деконструкции. Слепота критика, нацеленного на присвоение истины, неизбежно приводящая к ошибочной интерпретации, может обернуться прозрением для читателя, который увидит противоборство смыслов в тексте и тем самым более полно поймет его.

Заключение (Conclusion)

Конфликтная природа коммуникации — это данность и неизбежность, но следует отходить от поверхностного представления о непонимании только как о деструктивном моменте общения. Непонимание не противостоит пониманию, а включается в герменевтический опыт как необходимый его компонент. Непонимание способствует встрече со смыслом, указывая на отсутствие фиксированных границ как любого культурного текста, так и его интерпретации, в итоге обеспечивая возможность многообразия человеческой культуры.

Само наличие непонимания в познавательной деятельности субъекта обеспечивает динамику в перспективе культурного развития, а также указывает на конфликтные аспекты культурной коммуникации, с одной стороны, обостряющие диалог, а с другой — пробуждающие творческий потенциал носителей данной культуры, ведь именно в болезненных точках непонимания мы должны конструировать свое культурное пространство. Таким образом, разработка проблемы непонимания наиболее перспективна в дискурсе межкультурной коммуникации.

Библиографический список

1. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. Г. В. Рамишвили. М. : Прогресс, 1984. 400 с.

2. Лотман Ю. М. На пороге непредсказуемого // Человек. 1993. № 6. С. 113–121.

3. Мамардашвили М. К. О философии // Вопросы философии. 1991. № 5. С. 3–10.

4. Кордас О. М., Николаева Ю. А. Феномен тайны в философском контексте // Вестн. ОмГПУ. Гуманитар. исслед. 2015. № 2 (6). С. 15–18.

5. Разинов Ю. А. Истина и тайна: четыре аспекта греческой алетейи // Изв. Сарат. ун-та. Сер. : Философия. Психология. Педагогика. 2012. Т. 12, вып. 2. С. 29–33.

6. Айрапетян В. Э. Толкуя слово: опыт герменевтики по-русски. М. : Языки славянской культуры, 2001. 484 с.

7. Розанов В. В. Сочинения: О понимании: Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания / ред. и коммент. В. Г. Сукач. М. : Танаис, 1995. 808 с.

8. Розанов В. В. Как хорошо иногда «не понимать». 1911 // Lib.ru/Классика : сайт. URL: http://az.lib.ru/r/rozanow_w_w/text_1911_kak_horosho_inogda_ne_ponimat.shtml (дата обращения: 20.09.2021).

9. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб. : Искусство-СПБ, 2000. 704 с.

10. Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект : сб. М. : Прогресс, 1995. С. 95–142.

11. Лотман Ю. М. «Нам всё необходимо. Лишнего в мире нет...» // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М. : Гнозис, 1994. С. 442–451.

12. Гадамер Г.-Г. О круге понимания // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного / пер. с нем. М. : Искусство, 1991. С. 72–82.

13. Зонтаг С. Против интерпретации // Зонтаг С. Мысль как страсти : избранные эссе 1960–70-х годов / пер. с англ. Б. Дубина. М. : Русское феноменологическое общество, 1997. С. 9–18.

14. Ильин И. П. Американский вариант деконструктивизма: практика деконструкции и Йельская школа // Ильин И. П. Постструктурализм, деконструктивизм, постмодернизм. М. : Интрада, 1996. С. 176–197.

References

Airapetyan V. Eh. (2001) *Tolkuya slovo: opyt germenevtiki po-russki [Interpreting the Word: Experience of Hermeneutics in Russian]**. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul’tury Publ., 484 p. (in Russian)

Gadamer H.-G. (1991) O kruge ponimaniya [About the Circle of Understanding]*, *Gadamer H.-G. [Die Aktualität des Schönen]*. Moscow, Iskusstvo Publ., pp. 72–82. (in Russian)

Humboldt V. (1984) *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu [Selected Works on Linguistics]**. Moscow, Progress Publ., 400 p. (in Russian)

Il’in I. P. (1996) Amerikanskii variant dekonstruktivizma: praktika dekonstruktsii i Iel’skaya shkola [The American Version of Deconstructivism: The Practice of Deconstruction and the Yale School]*, *Il’in I. P. Poststrukturalizm, dekonstruktivizm, postmodernizm [Poststructuralism, deconstructivism, postmodernism]**. Moscow, Intrada Publ., pp. 176–197. (in Russian)

Kordas O. M., Nikolaeva Yu. A. (2015) Fenomen tainy v filosofskom kontekste [Phenomenon of Mystery in Philosophical Context], *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya [Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research],* no. 2 (6), pp. 15–18. (in Russian)

Lotman Yu. M. (1993) Na poroge nepredskazuemogo [On the Threshold of the Unpredictable]*, *Chelovek [Man]**, no. 6, pp. 113–121. (in Russian)

Lotman Yu. M. (1994) “Nam vse neobkhodimo. Lishnego v mire net...” [“We Need Everything. There Is No Superfluous in the World...”]*, *Yu. M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola [Yu. M. Lotman and the Tartu-Moscow Semiotic School]**. Moscow, Gnosis Publ., pp. 442–451. (in Russian)

Lotman Yu. M. (2000) *Semiosfera [Semiosphere]**. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 704 p. (in Russian)

Mamardashvili M. K. (1991) O filosofii [About Philosophy]*, *Voprosy filosofii [Questions of Philosophy]**, no. 5, pp. 3–10. (in Russian)

Maturana U. (1995) Biologiya poznaniya [Biology of Cognition]*, *Yazyk i intellekt [Language and Intelligence]*. Moscow, Progress Publ., pp. 95–142. (in Russian)

Razinov Yu. A. (2012) Istina i taina: chetyre aspekta grecheskoi aleteii [True and Secrecy: The Four Aspects of Greek Aletheia], *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika [Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy],* vol. 12, issue 2, pp. 29–33. (in Russian)

Rozanov V. V. (1911) Kak khorosho inogda “ne ponimat’” [How Good it is Sometimes “Not to Understand”]*, *Lib.ru.* Available at: http://az.lib.ru/r/rozanow_w_w/text_1911_kak_horosho_inogda_ne_ponimat.shtml (accessed: 20.09.2021). (in Russian)

Rozanov V. V. (1995) *Sochineniya: O ponimanii: Opyt issledovaniya prirody, granits i vnutrennego stroeniya nauki kak tsel’nogo znaniya [Works: On Understanding: Experience in Researching the Nature, Boundaries and Internal Structure of Science As a Whole Knowledge]**. Moscow, Tanais Publ., 808 p. (in Russian)

Zontag S. (1997) [Against Interpretation], *Zontag S. Mysl’ kak strast’. Izbrannye ehsse 1960–70-kh godov [Thought As Passion. Selected Essays of the 1960–70s]**. Moscow, Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo, pp. 9–18. (in Russian)

* Перевод названий источников выполнен автором статьи / Translated by the author of the article.